

На правах рукописи

Тимощенко Алексей Анатольевич

**НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
КАНСКО-РЫБИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ**

07.00.06 – Археология

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Кемерово – 2013

Работа выполнена в федеральном бюджетном учреждении науки «Институт экологии человека» Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Бобров Владимир Васильевич

Официальные оппоненты:

Дроздов Николай Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Красноярский филиал Университета Российской академии образования»

Алкин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Сектора археологии бронзового и железного века федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии и этнографии» Сибирского отделения Российской академии наук

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

Защита состоится «_____» _____ 2013 г. в _____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.088.08, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (650043, Кемерово, ул. Красная, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кемеровского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ермоленко Любовь Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Диссертационное сочинение посвящено изучению неолита и бронзового века Канско-Рыбинской котловины. В работе представлена характеристика развития материальной культуры и хозяйственного уклада древнего населения данного района, определено место и роль рассматриваемых комплексов в системе археологических культурных общностей Сибири. Также введены в научный оборот ранее неопубликованные материалы археологических исследований, предложена обновленная схема периодизации и хронологии этапов неолита – эпохи бронзы.

Трудности изучения археологии Сибири вызваны, прежде всего, тем, что различные ее регионы исследованы неравномерно. Одним из таких районов, где археологические работы только разворачиваются, является территория Канско-Рыбинской котловины, расположенная на западном крыле юга Восточной Сибири. Ее географическое расположение в центре Азиатского материка, климатические и орографические особенности позволяют назвать этот район важнейшим для выяснения культурно-исторических процессов в древности, как территорию взаимодействия древнего населения Западной и Восточной Сибири.

Первые археологические местонахождения на территории Канско-Рыбинской котловины известны еще с начала XX в., а широкомасштабные раскопки велись с 1970-х гг. и эпизодически продолжаются до настоящего времени. Собранный во время исследований многочисленный археологический материал практически не введен в научный оборот. Обобщение имеющихся данных и лежит в основе представляемой работы, позволяющей существенно дополнить сведения по хронологии древних объектов, уточнить периодизационную шкалу материалов неолита и эпохи бронзы, определить место вновь выявленных поселенческих и погребальных комплексов на фоне сопредельных сибирских территорий. Основное

внимание в работе уделяется объектам наиболее изученным, обладающим не только представительными коллекциями древних артефактов, но и данными для палеогеографических реконструкций. Такие местонахождения, как Казачка I, Попиха, Потанчет II, Зеленогорск I, Мезенск, Гурьев Лог, Улюколь III, Маслеево III, Могильник Зеленогорский, предоставляют исключительные возможности для понимания культурно-исторических процессов на территории Канско-Рыбинской котловины и Сибири в целом.

Степень разработанности проблемы. Публикации по неолиту и эпохе бронзы рассматриваемого района немногочисленны [Максименков, 1961, 1964; Савельев и др., 1976; Генералов, 1978, 1979, 1980, 1982; Привалихин, Макаров, 1982; Генералов, Дзюбас, 1982, 1986, 1991; Савельев, Воробьева, 1984; Савельев, Генералов, Абдулов, 1984; Абдулов, Генералов, Савельев, 1985; Абдулов, Савельев, Алтухов, 2005]. В основном все они носят предварительный характер и посвящены, главным образом, материалам уникального многослойного местонахождения Казачка I, на базе которого предложена первая культурно-хронологическая периодизация голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины.

Предложенная Н. А. Савельевым и А. Г. Генераловым культурно-хронологическая модель базируется только на исследовании местонахождения Казачка I, тогда как материалы других опорных хорошо стратифицированных объектов способны значительно расширить представление о неолите и бронзовом веке Канско-Рыбинской котловины. Сопоставление и анализ всех имеющихся комплексов позволит уточнить их возраст и проследить динамику развития. Важным остается вопрос и о культурных и этнических связях населения Канско-Рыбинской котловины. Исследователями прослежены аналогии материалов Канско-Рыбинской котловины с территориями от Якутии до Урала, однако вопрос об их соотношении и влиянии на различных этапах неолита и бронзового века пока остается открытым.

Решение этих проблем позволит приблизиться к пониманию характера культурно-исторических процессов в Канско-Рыбинской котловине в неолит и эпоху бронзы.

Объектом исследования являются археологические источники Канско-Рыбинской котловины, позволяющие охарактеризовать материальную культуру древнего населения неолита – эпохи бронзы.

Предмет исследования составляют культурно-исторические процессы, протекавшие в неолите и в эпоху бронзы на территории Канско-Рыбинской котловины, характеризуемые взаимодействием древнего населения с соседними племенами и образованием различных археологических общностей.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является культурно-хронологическая характеристика комплексов неолита – эпохи бронзы Канско-Рыбинской котловины.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*:

1) проанализировать историю изучения неолита – бронзового века Канско-Рыбинской котловины и сопредельных территорий;

2) охарактеризовать географическое положение, топографию и стратиграфические условия залегания археологических комплексов неолита – бронзового века Канско-Рыбинской котловины;

3) дать характеристику хозяйства и материальной культуры неолита – бронзового века населения Канско-Рыбинской котловины на основе анализа археологических коллекций и их планиграфической ситуации;

4) выделить этапы неолита – бронзового века на основе анализа материалов многослойных местонахождений;

5) уточнить относительную и абсолютную хронологию комплексов неолита – эпохи бронзы;

б) провести, на основе типологического и морфологического анализа имеющихся материалов, их корреляцию с синхронными археологическими комплексами сопредельных территорий.

Территориальные рамки работы. Географически область исследования охватывает Канско-Рыбинскую котловину, которая находится на правом берегу Енисея между юго-западной окраиной Среднесибирского плоскогорья и Восточным Саяном. Границы котловины определяются: на востоке и северо-востоке долиной р. Бирюсы, проходящей по краю Канско-Тасеевской впадины, хребтами Восточного Саяна на юге, горными поднятиями Енисейского кряжа на северо-северо-западе и приенисейскими лесостепными участками на западе.

Хронологические рамки исследования. Нижняя граница определяется появлением на территории Канско-Рыбинской котловины керамических комплексов – 7,3 тыс. л. н. Верхняя граница соответствует концу позднебронзового века – 2,8 тыс. л. н. Эти хронологические рамки обусловлены серией радиоуглеродных дат, датами по остаточной намагниченности культуровмещающих слоев местонахождения Казачка I, а также геостратиграфическими наблюдениями.

Методология исследования базируется на общей теории познания и включает использование ряда принципов и подходов. Во-первых, автор руководствовался системным подходом, предполагающим рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Во-вторых, работа основана на структурном подходе, заключающемся в исследовании археологических комплексов как многоуровневой иерархической структуры. В-третьих, использован принцип историзма, согласно которому древности Канско-Рыбинской котловины изучаются в динамике их изменений. Реализация принципа историзма способствовала разработке проблем взаимодействия древних обществ, при этом учитывались культурные и естественно-географические факторы. В-четвертых, в диссертации применен

принцип моделирования, на основе которого автором предложен вариант схемы развития населения Канско-Рыбинской котловины в неолите, бронзовом веке.

Методика исследования базируется на сочетании традиционных для археологии методов и приемов, заимствованных из естественных и гуманитарных наук. Для выделения этапов исследования и определения ведущих концепций применялся историографический анализ. При работе с артефактами использовались методы типологического, морфологического, морфометрического и статистического анализа. Для определения относительной хронологии и особенностей использования древним населением территории стоянки использовались методы стратиграфии и планиграфии культуросодержащего слоя. Для установления культурных связей использовался метод аналогий. Кроме того, хозяйственная деятельность древнего населения реконструировалась на основании палеозоологических определений. Определение абсолютного возраста рассматриваемых комплексов осуществлялась с помощью методов датированных аналогий, радиоуглеродного анализа и датирования по остаточной намагниченности литологического слоя [Бураков и др., 1996].

Классификационные принципы для описания каменного и керамического инвентаря основаны на номенклатуре деталей наглядных моделей, разработанных сотрудниками Иркутского государственного университета [Медведев, 1981; Горюнова, Савельев, 1981].

Источниковой базой диссертационного сочинения послужили полученные за период с 1972 по 2001 гг. археологические коллекции, полевые и архивные материалы, отчеты, описи 21 местонахождения Канско-Рыбинской котловины: Казачка I, Попиха, Каторная гора, Высокие Борки, Потанчет I, Потанчет II, Потанчет III, Потанчет IV, Зеленогорск I, Зеленогорск II, Зеленогорский могильник, Черуха II, Мезенск, Нижний Тонай I, Нижний Тонай II, Верхний Тонай II, Лежневка, Маслеево III, Гурьев лог,

Улюколь III. Источниковая база была сформирована на основе многолетних комплексных исследований сотрудников кафедры археологии Иркутского государственного университета (Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов и др.). Также использованы материалы раскопанного в 1958 г. Г. А. Максименковым неолитического могильника на оз. Долгое [Максименков, 1954].

Для сравнительных операций в работе привлекаются опубликованные материалы памятников и культур, близких хронологически и территориально [Merhart, 1926; Членова, 1972; Виноградов, 1982; Погудин, 1989; Алексеев, 1996; Горюнова, 1992; Горюнова, 1997; Горюнова, Савельев, 1990; Горюнова и др., 2007; Горюнова и др., 2012; Макаров, 2005; Мандрыка, 2006].

Особую группу источников составляют данные междисциплинарных исследований: археозоологические и палинологические определения (А. А. Хамзина, Л. А. Филимонова, А. Д. Попялковская), геостратиграфические и палеопедологические описания (Г. А. Воробьева), палеоклиматические реконструкции (Г. А. Демиденко), радиоуглеродное датирование (лаборатории ЛОИА, ГИН, Института мерзлотоведения), датирование по остаточной намагниченности почвенного слоя (К. С. Бураков, И. Е. Начасова), рентгенофлюоресцентный анализ изделий из металла (А. А. Тишкин).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На территории Канско-Рыбинской котловины в конце VI тыс. до н. э. на базе местного мезолита формируются комплексы раннего неолита, связанные с Ангаро-Байкальской культурно-исторической общностью.

2. На стадии среднего неолита во 2 половине V тыс. до н. э. на рассматриваемой территории распространяется гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая керамика, на основе которой впоследствии формируется казачинский и получает развитие усть-бельский типы керамики.

3. Период позднего неолита датируется 2 половиной IV тыс. до н. э. и характеризуется распространением серовской культуры Прибайкалья.

4. Во 2 половине III тыс. до н. э. – переходное к бронзовому веку время – на территории Канско-Рыбинской котловины проникают племена из степей Западной Сибири.

5. Для раннего бронзового века, датированного 1 половиной II тыс. до н. э., на территории Канско-Рыбинской котловины выявлено две линии развития. Первая продолжает поздненеолитическую традицию. Вторая связана с проникновением в Канско-Рыбинскую котловину инокультурного населения с территорий Прибайкалья и Забайкалья.

6. На этапе поздней бронзы (середина II тыс. до н. э. – VIII в. до н. э.) на территории Канско-Рыбинской котловины формируется красноярская культура, выделяющаяся своей архаичностью и сохранением неолитического облика.

Научная новизна работы заключается, прежде всего, во введении в научный оборот новых археологических материалов. Впервые для неолита – эпохи бронзы Канско-Рыбинской котловины обобщены разрозненные сведения по археологии, геологии, геоморфологии, палеозоологии, палинологии, относительным и абсолютным датам. Благодаря новым данным автором значительно уточнены хронологические рамки этапов неолита – бронзового века. В работе определено место и значение археологических материалов Канско-Рыбинской котловины в контексте культурно-исторических процессов, протекавших в Сибири в конце VI тыс. до н.э. – VIII в. до н. э.

Все это позволило дать более точную характеристику неолита и бронзового века как исторических эпох, отражающих развитие материальной культуры древнего населения Канско-Рыбинской котловины.

Практическая значимость. Материалы и основные выводы могут быть использованы как в работах, посвященных отдельным проблемам региона,

так и в обобщающих трудах по археологии Сибири. Данная работа может использоваться в научной и педагогической деятельности через разработку учебных курсов и методических пособий для студентов гуманитарных вузов.

Апробация результатов. Некоторые результаты исследования были представлены автором на региональных и общероссийских конференциях (г. Барнаул, 2008 г., г. Кемерово, 2009 г., г. Иркутск, 2010 г., г. Новосибирск, 2010 г., г. Красноярск, 2011 г.). Всего по теме диссертации опубликовано 6 работ, в том числе одна статья – в издании, рекомендуемом ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура работы определена задачами исследования и состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка и приложений, включающих таблицы и иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертационного сочинения, определены предмет, объект, цели и задачи исследования, названы территориальные и хронологические рамки, источники, методологическая основа и методика изучения материалов, научная новизна работы, ее практическая значимость, апробация и структура.

Глава 1. «Физико-географическое и природно-климатическое описание Канско-Рыбинской котловины». Глава состоит из двух разделов, в которых дается обзор природно-климатической обстановки и географии Канско-Рыбинской котловины.

1.1. Физико-географическое описание Канско-Рыбинской котловины. С позиции геолого-геоморфологической характеристики район исследования является промежуточной геологической структурой на границе Среднесибирского плоскогорья и Восточного Саяна и является обширной тектонической депрессией. Большую часть региона занимает Канская лесостепь, являющаяся одним из ярких проявлений цепочки островных лесостепей южной Сибири [Сергеев, 1971. С. 9].

Основным водотоком Канско-Рыбинской котловины и южной части Енисейского кряжа является р. Кан – крупный правый приток Енисея. Река берет начало на северных склонах горного массива Канского Белогорья, после слияния горных рек Дикий Кан и Тихий Кан, пересекает Канско-Рыбинскую котловину и южные отроги Енисейского кряжа.

Долина р. Кан имеет асимметричное строение: правый борт крутой, левый – пологий с широкой поймой и террасами. Стоит отметить, что мнения исследователей о количестве и высоте трасс расходятся, что связано с разной амплитудой тектонических поднятий или опусканий в различных участках реки [Сергеев, 1971. С. 40 – 42; Воробьева, Медведев, 1984. С. 16 – 17].

Гидросеть северной территории района представляют реки Тасеева, Бирюса. Основной водосборный бассейн здесь имеет р. Усолка – левый приток р. Тасеевой. Также здесь расположено несколько озер, самые крупные из них: Маслеево, Улюколь и Тарай.

Флора и фауна Канско-Рыбинской котловины очень разнообразна, что обусловлено наличием в ней двух природных зон: тайги и лесостепи. Их расположение характеризуется концентрической зональностью: в средней части расположена лесостепь, а по периферии – подтаежные леса [Сергеев, 1971].

Большинство местонахождений неолита и бронзового века расположены на берегу рек на границе между таежной и лесостепной зонами, в местах, благоприятных для обитания косули, лося, оленя. Зафиксированные остеологические материалы подтверждают широкую добычу этих животных в древности.

1.2. Реконструкция природных условий и климата Канско-Рыбинской котловины в голоцене. Временные рамки исследования охватывают атлантический и суббореальный периоды голоцена.

В Канско-Рыбинской котловине первая половина атлантического периода характеризуется существованием степных растительных

группировок. Несмотря на незначительное похолодание в начале этого этапа, климат был теплее современного, но несколько прохладнее и влажнее предбореального [Демиденко, 2000. С. 31].

Во второй половине атлантического периода в Канской лесостепи в спорово-пыльцевых спектрах отложений появляется пыльца древесных пород [Савельев, Воробьева, 1984. С. 150]. Наблюдается увеличение влажности и потепление климата. В зоне современной лесостепи зафиксированы сдвиги границы степных и лесных сообществ, что со временем привело к изменениям условий почвообразования [Демиденко, 1998. С. 343]. Вторая половина атлантического периода – оптимум тепла и влаги голоцена.

Суббореальный период характеризуется неустойчивостью климата, колебаниями температуры и влажности. Отмечаются существенные, кратковременные похолодания, результатом чего стало появление криогенных деформаций в субэриальных отложениях и формирование многолетних мерзлотных линз в толщах пойменных отложений [Воробьева, Медведев, 1984. С. 28]. Эти изменения привели к сокращению площади лесных массивов, к усилению эоловых процессов, к ослаблению процессов гумусонакопления и общей аридизации климата.

Приведенные данные показывают, что изменения природной обстановки в Канско-Рыбинской котловине от перигляциальной к межледниковой проходило медленнее, чем в Европе [Хотинский, 1977]. Консервативность климата и растительности проявлялась на всем протяжении раннего голоцена. Из трех термических максимумов голоцена: бореального (8900 – 8300 л. н.), позднеатлантического (6000 – 4600 л. н.), среднесуббореального (4100 – 3200 л. н.) для юга Средней Сибири выражение получил только позднеатлантический. Он определяет рамки климатического оптимума рассматриваемого района и выражается в почвообразовательных процессах, характере споро-пыльцевых спектров, составе и строении отложений.

Глава 2. «История и проблемы исследования неолита и бронзового века Канско-Рыбинской котловины». В главе представлен обзор истории изучения и основных проблем неолита – бронзового века Канско-Рыбинской котловины. Предложен авторский вариант периодизации археологического «освоения» региона, критериями периодизации послужили различия фактологической базы и уровень интерпретации археологических материалов.

Первый период (с 1910 г. по 1972 г.) изучения древностей Канско-Рыбинской котловины начинается с 1910 г., когда были предприняты первые попытки изучения археологических местонахождений. Связан он с деятельностью местных краеведов-любителей и работами археологов В. Т. Карцова, Г. Мергарта, А. П. Окладникова, Г. А. Максименкова и др.

Работы на территории Канско-Рыбинской котловины в это время носят эпизодический характер. Исследователями достигнуты успехи в определении возраста и хронологической последовательности памятников сопредельных территорий, прослежены культурные взаимосвязи древних племен Енисея, Минусинской котловины, Ангары и Прибайкалья, что предопределило начало интенсивного изучения Канско-Рыбинской котловины [Петри, 1928; Карцов, 1929; Теплоухов, 1929; Окладников, 1949, 1950, 1955, 1957; Киселев, 1951; Максименков, 1964б].

Второй период (с 1972 г. по настоящее время). С 1972 г. исследования археологических памятников Канско-Рыбинской котловины проводятся сотрудниками лаборатории археологии и этнографии Иркутского государственного университета (Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов и др.).

Изучение древностей Канско-Рыбинской котловины в рассматриваемый период развивалось в двух направлениях. Во-первых, это проведение широкомасштабных разведочных работ, направленных на выявление местонахождений. Во-вторых, стационарные полевые исследования широкой

площадью на многослойных хорошо стратифицированных объектах. За 30 лет систематических исследований разведочными маршрутами пройдены все водные артерии района, выявлено 123 местонахождения в хронологическом диапазоне от позднего палеолита до средневековья. К рассматриваемому интервалу неолит – эпоха бронзы исследователями предварительно отнесены 59 местонахождений [Савельев и др., 1992]. Большинство из них не содержат керамических комплексов и находятся в смешанных стратиграфических условиях, поэтому с полной уверенностью отнести их к какой-либо определенной эпохе не представляется возможным. В основу диссертационного исследования легли материалы 21 местонахождения. Это поселения: Каторная гора, Казачка I, Потанчет I – IV, Зеленогорск I, II, Черуха II, Высокие Борки, Мезенск, Верхний Тонай II, Нижний Тонай I, II, Лежневка, Улюколь III, Маслеево III; поселения, содержащие погребальные комплексы: Попиха, Гурьев лог; могильники: оз. Долгое, Зеленогорский могильник.

Глава 3. «Геоморфология и стратиграфия опорных местонахождений неолита и бронзового века Канско-Рыбинской котловины». Целью данной главы является создание относительной хронологии на базе естественнонаучных данных, полученных при изучении разрезов девяти опорных местонахождений: Казачка I, Попиха, Потанчет I, Зеленогорск I, Могильник Зеленогорский, Мезенск, Гурьев Лог, Улюколь III, Маслеево III.

Геостратиграфические работы проводили иркутские исследователи под руководством Г. А. Воробьевой. В результате было установлено, что схема строения субаэральных и субаквальных отложений не имеет принципиальных отличий от региональной стратиграфической схемы Приангарья [Стратиграфия ..., 1990]. Отложения голоцена подразделяются на мелкие стратиграфические уровни, разработанные для Сибири

[Хотинский, 1977] и уточненные для рассматриваемого района Г. А. Воробьевой [Воробьева, Медведев, 1984; Савельев, Воробьева, 1984].

В разделе **3.1. «Местонахождения долины р. Кан»** проводится корреляция культуросодержащих горизонтов местонахождений долины р. Кан.

Отложения начала неолита совпадают с первой половиной атлантического периода и представляют собой переход высокой поймы в I надпойменную террасу, этому времени соответствуют VII культуросодержащий горизонт Казачки I и III культуросодержащий горизонт Попихи.

Отложения второй половины атлантического времени характеризуются интенсивным почвообразованием в условиях влажного и теплого климата. Во время периодических катастрофических разливов р. Кан происходит затопление I террасы и отложение аллювия. В промежутках между сериями паводков происходит переработка аллювия и формирование сильно гумусированных почвенных слоев. Этому интервалу соответствуют VI–IV к. г. Казачки I, IV–III к. г. Зеленогорска I и отложения вмещающие погребения могильника Зеленогорский. VI к. г. Казачки I и IV к. г. Зеленогорска I залегают в нижней части наложенной поймы, в средней части – V к. г. Казачки I, в верхней – IV к. г. Казачки I и III к. г. Зеленогорска I.

Граница перехода от атлантического к суббореальному периоду в разрезах местонахождений отмечается уменьшением толщины почвенных прослоев и их гумусированности, а также сериями мерзлотных трещин и клиньев, развившихся в период раннесуббореального похолодания. К этому интервалу относятся III к. г. Казачки I, II к. г. Зеленогорска I, II и Пс к. г. Потанчета I.

Концу суббореального периода соответствуют II к. г. Казачки I, Пв к. г. Потанчета I, I к. г. Зеленогорска I, II к. г. Попихи.

В разделе **3.2. «Местонахождения долины р. Усолки, озер Маслеево и Улюколь»** проводится корреляция культуровмещающих горизонтов местонахождений Мезенск, Улюколь III, Маслеево III и Гурьев лог, приуроченных к отложениям речных и озерных террас северо-восточной части Канско-Рыбинской котловины с разрезом Казачки I, как наиболее информативным.

Основываясь на разности геостратиграфических позиций залегания культуровмещающих горизонтов и условий осадконакопления, на основе разреза местонахождения Казачка I как наиболее информативного и хорошо изученного, для неолита – бронзового века Канско-Рыбинской котловины представляется возможным объединить культуросодержащие горизонты девяти опорных местонахождений, по естественнонаучным показателям, в шесть хронологических этапов в соответствии со схемой Н. А. Хотинского [Хотинский, 1977].

1 этап – первая половина атлантического периода (8 – 6,9 тыс. л. н.) – Казачка I (VII) и Попиха (III);

2 этап – середина атлантического периода (6,9 – 6 тыс. л. н.) – Казачка I (VI_н; VI), Зеленогорск I (IV), Мезенск (III);

3 этап – вторая половина атлантического периода (6 – 4,5 тыс. л. н.) – Казачка I (V);

4 этап – начало суббореального периода (4 тыс. л. н.) – Казачка I (IV), Зеленогорск I (III);

5 этап – суббореальный период (4 – 2,5 тыс. л. н.) – Казачка I (III), Зеленогорск I (II), Потанчет I (II, II_с);

6 этап – конец суббореального периода (3,5 – 2,5 тыс. л. н.) – Казачка I (II), Потанчет I (II_в), Попиха (II), Мезенск (II), Маслеево III, Гурьев лог, Улюколь III (II).

Глава 4. «Характеристика материальной культуры неолита – эпохи бронзы Канско-Рыбинской котловины». Глава посвящена описанию и

анализу производственного инвентаря, погребальных особенностей, стратегии хозяйственной деятельности и абсолютной хронологии археологических комплексов. В силу поставленных задач глава состоит из четырех разделов.

В разделе **4.1. «Стояночные комплексы»** дан анализ каменного, керамического и костяного инвентаря местонахождений, описание материалов приведено в соответствии с выделенными в предыдущем разделе этапами.

4.1.1. VII горизонт Казачки I и III горизонт Попихи. Комплексы представлены призматическими, одноплощадочными микронуклеусами. Ударные площадки перпендикулярны фронту, либо слегка скошены к контрфронту. Пластины имеют правильную огранку, большинство из них несет на себе следы утилитарной ретуши. находка костяной двухпазовой обоймы в VII горизонте Казачки I не оставляет сомнения в использовании пластин, преимущественно их медиальных сегментов, в качестве вкладышей составных орудий. Скребки на пластинах представлены концевыми (15,7% от общего количества скребков), и боковыми формами (5,3%). Наконечники стрел на пластинах отличаются параллельными краями, имеют прямую базу и обработаны сплошной покрывающей ретушью.

Большинство орудий оформлено на отщепах. Скребки представлены концевыми формами, лезвия оформлены на дистальных (42%) сегментах. Реже встречаются боковые (15,8%) и двулезвийные (10,5%) скребки, лезвия которых оформлены на маргиналах. Наконечники стрел на отщепах в большинстве случаев обработаны сплошной покрывающей ретушью (81% от общего количества наконечников), у остальных ретушь краевая. Преобладают наконечники ромбовидной (28,6%) и треугольной формы со слегка вогнутой базой (19%). Наконечники овальной формы с усеченной базой единичны. Выделяется группа бифасиально обработанных наконечников, отличающихся массивностью, которые имеют

подтреугольную форму. Они интерпретируются автором как наконечники дротиков (13%).

Для изготовления орудий крупных форм использовались плитки сланца, крупные речные гальки. На бифасиально обработанных крупных сколах вторичной ретушью оформлялись ножевидные лезвия. Топоры имеют овальную форму, обработаны крупными снятиями, в медиальной части изделий мелкофасеточной ретушью оформлены выемки – «перехваты»

Керамика данного этапа малочисленна. По способу орнаментации и техническому декору нами выделено два типа керамики: керамика посольского типа и керамика с оттисками «сетки-плетенки».

4.1.2. VI н. и VI горизонты Казачки I, IV горизонт Зеленогорска I и III горизонт Мезенска. Нуклеусы в инвентаре памятников представлены единичными экземплярами призматических и торцевых форм. Процент изготовленных на пластинах орудий составляет 18,2% (концевые скребки, провертки и вкладыши).

Самыми многочисленными изделиями на местонахождениях являются наконечники, их процентное соотношение достигает 46,2% от общего количества орудий. Наряду с наконечниками подтреугольной формы со слегка вогнутыми основаниями (16,1% всех наконечников), распространение получают наконечники овальной формы (51,3%) и треугольные с прямой базой (32,3%). Скребки остаются сходными со скребками предыдущего этапа, наблюдается лишь незначительное уменьшение их размеров. Топоры имеют удлинённые пропорции и треугольную в сечении форму.

Орудия из кости представлены гарпунами с односторонним расположением зубцов, костяным вкладышевым наконечником с сохранившимися в пазах пластинами.

Сосуды гладкостенные, формовка их производилась с помощью послойного наложения глиняных лент. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность тулова. Реконструированные сосуды во всех случаях имеют

открытую параболоидную форму. Среди основных элементов орнамента – неглубокие вдавления лопаточки округлой и овальной форм, нанесенные в накольчатой, либо оступающе-накольчатой техниках, зубчатые и «личиночные» оттиски, выполненные в технике штампования и накалывания. В композиционном построении преобладают горизонтальные ряды, горизонтальная елочка.

Исходя из аналогий в керамическом инвентаре, к рассмотренным комплексам отнесен II горизонт Черухи II и местонахождение Нижний Тонай II. Они содержат фрагменты керамики, орнаментированной гребенчатым орнаментом, составляющим композицию в виде горизонтальной «елочки».

4.1.3. V горизонт Казачки I. Нуклеусы местонахождения призматические, одноплощадочные, монофронтальные, площадка их слегка вогнута и скошена к контрфронту. От нуклеусов предшествующего этапа они отличаются пропорциями. Высота нуклеусов в 2 раза превышает ширину. Пластины используются лишь в качестве вкладышевых лезвий составных орудий. Полностью выходят из употребления архаичные типы орудий, таких как: резцы и резчики, крупные режущие изделия на массивных пластинчатых отщепах.

Наконечники стрел имеют треугольную форму с вогнутой базой (91,6% от всех наконечников). Единичными находками представлены экземпляры овальной формы и черешковые с выраженными плечиками. Наблюдается некоторое удлинение наконечников, отношение длины к ширине определяется показателями от 4:1 до 2:1. На данном этапе продолжают бытовать, практически не претерпевая изменений в форме и размерах, массивные наконечники дротиков.

Скребки этого этапа, в сравнении с более ранними, обладают меньшими размерами и невысокой «спинкой». По расположению лезвия они типологически разделяются на концевые и боковые.

Преобладающей формой сосудов этого этапа является овалоидная со слегка отогнутым или прямым венчиком, реже встречается параболоидная. Изготавливались сосуды способом выколачивания, после чего внутренняя и внешняя поверхности затирались грубым предметом; следы затиранья читаются практически на всех сосудах. Сосуды украшались пунктирно-гребенчатым орнаментом и ямочными вдавлениями. Композиция орнамента зональная, не заходит ниже верхней трети сосудов, состоит из вертикальных, горизонтальных и косо поставленных оттисков пунктирной гребенки.

Исходя из аналогий в каменном и керамическом инвентаре, к данному этапу относятся: IV горизонт Высоких Борков, II горизонт Катарной горы, II горизонт В. Тоня II, II горизонт Н. Тоня, Ia горизонт Потанчета IV.

4.1.4. IV горизонт Казачки I, III горизонт Зеленогорска I. Данный этап развития материальной культуры населения Канско-Рыбинской котловины демонстрирует сильное своеобразие как каменной, так и керамической индустрии. Нуклеусы, как и призматические пластины не зафиксированы. Наконечники стрел имеют миниатюрные размеры (1,1 – 2,5 см), встречены черешковые наконечники с одним или двумя четко выраженными плечиками и треугольной формы с ассиметрично вогнутой базой и разновеликими шипами. Изменяется форма дротиков, они имеют вытянутую подтреугольную форму, обработаны бифасиальной сплошной бессистемной ретушью. Скребки изготавливались на пластинчатых сколах, спинки всех экземпляров пологие, предпочтение отдавалось боковым скребкам (80% всех скребков). Топоры имеют вытянутую овальную форму и небольшие выступы на обушке – «ушки». Тесла шлифованные, трапециевидной формы.

Керамика данного этапа представляет своеобразный комплекс. Сосуды изготавливались способом выколачивания, после чего стенки их затирались. Восстановленные сосуды имеют параболоидную форму. В сравнении с предыдущими керамическими комплексами, сосуды этого времени

выделяются толстостенностью. Отличается и способ нанесения орнамента: орнаментир слегка касался тулова сосудов и поэтому в большинстве случаев орнамент слабо читаем. Подавляющее большинство сосудов орнаментировано горизонтальными рядами оттисков «качающейся» гребенки (15,8%) и гладкого «качающегося» штампа (42,1%). Единичными экземплярами представлены сосуды, орнаментированные горизонтальной елочкой гребенчатого и гладкого штампов, сосуды, орнаментированные прочерченными линиями и горизонтальными рядами отступающей лопаточки.

Исходя из аналогий в керамическом инвентаре, к данному этапу следует отнести VII горизонт Потанчета II.

4.1.5. III горизонт Казачки I, II горизонт Зеленогорска I, II горизонт Зеленогорска II и III горизонт Потанчета I. Пластины в инвентаре местонахождений данного этапа малочисленны, характеризуются субпараллельной огранкой ребер. Нуклеусов, равно как и орудий на пластинах, не выявлено. На данном этапе полностью исчезает большинство форм и типов орудий. В качестве орудий, выполняющих функции скребков и ножей, используются отщепы с краевой ретушью, оформленной либо на дистальном сегменте, либо на маргинале, без дополнительного оформления спинки и лезвия. Достаточно однообразны наконечники стрел, все они имеют удлиненно-овальную форму, обработаны сплошной двухсторонней ретушью.

Керамика представлена круглодонными сосудами простой открытой (72,7%), реже – закрытой формы (27,3%). На изломах некоторых сосудов в качестве примеси наблюдается наличие волос (шерсти). Сосуды изготовлялись посредством послойного наложения глиняного теста, что хорошо просматривается на их фрагментах. Керамика, в основном гладкостенная (79%). На внешней поверхности некоторых сосудов различимы штрихи – следы выколачивания рубчатой лопаточкой (21%). Орнамент во всех случаях занимает верхнюю треть сосудов. По форме

сосуда и способу орнаментации выделяется 4 группы: 1) гладкостенные сосуды простой открытой формы, орнаментированные пояском ямочных вдавлений, либо «жемчужин» и горизонтальными рядами оттисков гребенки в накольчатой технике; 2) гладкостенные сосуды простой открытой формы, орнаментированные разнонаклонными оттисками гребенчатого штампа; 3) сосуды простой закрытой формы со следами выколачивания рубчатой лопаточкой, орнаментированные поясками «жемчужин», прочерченными линиями. Эта группа сосудов содержит в формовочной массе следы шерсти; 4) Сосуды простой открытой формы со следами выколачивания рубчатой лопаточкой, орнаментированные лишь пояском «жемчужных» вдавлений.

4.1.6. II горизонт Казачки I, Пв. горизонт Потанчета I, II горизонт Попихи, II горизонт Мезенска, II горизонт Улюколь III, II горизонт. Гурьева Лога, Маслеево III. Материалы данного этапа отличает от предыдущих коллекций, прежде всего, наличие изделий из металла. Их количество невелико: обломки лезвий 5 пластинчатых однолезвийных ножей, обломок грибовидного навершия, обломок бронзового изделия неизвестного назначения. О знакомстве населения Канско-Рыбинской котловины с технологией добычи и обработки руды и изготовлении собственных металлических изделий свидетельствуют находки шлака (Попиха, Мезенск), кусочков руды, «всплесков» меди и обломка льячки (Попиха).

В каменном инвентаре вновь появляются призматические пластины (12%). Орудий на пластинах не отмечено. Заготовками орудий продолжают служить отщепы и пластинчатые сколы, полученные с бессистемно оббитых желваков. Все скребки этого этапа концевые, в большинстве случаев имеют пологую спинку. Ножи оформлялись на маргиналах массивных отщепов краевой ретушью. Характерные для предыдущего этапа овальные наконечники стрел (33,4%) дополняются листовидными формами (16,6%) и наконечниками треугольной формы с прямым (38,9%) и симметрично

выпуклым (11,1%) основаниями. Обработка всех наконечников сплошная, двухсторонняя.

Сосуды по способу формовки и составу теста полностью идентичны керамике предыдущего этапа. По форме они делятся на сосуды простой открытой (14,3%), простой закрытой (64,3%) и сложной закрытой формы (21,4%); последние имеют слабо выраженную шейку. На этом этапе впервые фиксируется появление сосудов с плоским дном. Технический декор в виде следов выколачивания рубчатой лопаточкой фиксируется на 33% сосудов. На основании техники нанесения и композиционного построения орнамента выделяются 6 типов сосудов: 1) орнаментированные только пояском «жемчужин» в зоне венчика; 2) орнаментированные в верхней трети горизонтальными рядами отступающей лопаточки; 3) орнаментированные в верхней трети горизонтальными рядами оттисков гребенчатого штампа; 4) орнаментированные разнонаклонными линиями оттисков отступающей лопаточки; 5) орнаментированные разнонаклонными прочерченными линиями; 6) орнамент отсутствует.

Исходя из аналогий в каменном и керамическом инвентаре, к данному этапу следует отнести II горизонт Лежневки.

4.2. Погребальные комплексы. На основании уровня залегания костяков и составу сопроводительного инвентаря к неолиту – эпохе бронзы отнесено 10 погребений. Это три погребения Зеленогорского могильника, четыре погребения на озере Долгое, два погребения на местонахождении Попиха и одно погребение на местонахождении Гурьев лог.

Погребения могильника у оз. Долгое характеризует, прежде всего, ориентация по линии СЗ – ЮВ и расположение погребенных на спине в вытянутом положении. Сопроводительный инвентарь представлен грифельными костями лося, подвесками из зубов марала. Автор раскопок синхронизировал эти погребения с «исаково-серовским периодом Байкальского неолита» [Максименков, 1964].

Погребения Зеленогорского могильника ориентированы по линии СВ (ССВ) – ЮЗ (ЮЮЗ). Анатомический порядок костяков нарушен. Зафиксирован сложный обряд трупоположения совместно с трупосожжением – части костяков, отсутствующие в погребениях, обнаружены в кострищах недалеко от могил, либо угли содержатся в могилах. Многочисленные фрагменты преднамеренно расщепленных твердым предметом трубчатых костей нижних конечностей со следами термической обработки и жженные фрагменты черепных костей могут свидетельствовать о ритуальном каннибализме. Для погребения №1 получена дата 5660 ± 100 л. н. (ГИН – 10934).

С местонахождения Попиха к рассматриваемому времени отнесены погребения 1 и 4. Костяк в погребении № 1 захоронен в вытянутом положении, ориентирован на СВ, головой против течения реки Кан. Череп повернут налево и ориентирован на юг. Могильная яма не прослеживалась. Кости деформированы, во многих местах фиксируются переломы. Руки погребенных вытянуты, слегка согнуты в локтевых суставах. Погребальный инвентарь: медный нож, наконечник стрелы треугольной формы с прямой базой, отщеп кремня.

Погребение № 4 коллективное. Могильная яма не прослеживалась, анатомический порядок костяков полностью нарушен. Сохранились лишь фрагменты черепов, кости рук, ребра. Сопроводительный инвентарь представлен костяной ложкой, выполненной на трубчатой кости животного и костяным острием.

На местонахождении Гурьев Лог обнаружено одно погребение. Могильная яма в плане имела овальную форму. Кости скелета расположены в анатомическом порядке, на спине в вытянутой позе. Отсутствуют кости правой ступни и кистей рук. Ориентация головой на восток (против течения реки). Погребальный инвентарь отсутствует. В районе головы погребенного зафиксирован небольшой очаг округлой формы.

Раздел 4.3. Реконструкция хозяйственно-бытовой деятельности населения Канско-Рыбинской котловины по данным планиграфического анализа местонахождения Казачка I посвящен анализу распространения остатков материальной культуры местонахождения Казачка I. Культуросодержащие горизонты VII – II содержат многочисленные и достаточно выразительные хозяйственно-бытовые комплексы. Находки залегают по площади неравномерно, концентрируясь, главным образом, вокруг очагов и кострищ. Выявлены производственные и хозяйственно-бытовые центры, различные по функциональному назначению типы очагов, свидетельствующие о сложной системе организации жилого пространства [Тимощенко, 2010].

4.4. Периодизация и хронология. Своеобразие материалов и их стратиграфические позиции позволили выделить 6 этапов развития материальной культуры Канско-Рыбинской котловины отнесенных к следующим археологическим периодам:

1 этап – ранний неолит. Казачка I (VII) и Попиха (III);

2 этап – средний неолит. Казачка I (VIн; VI), Зеленогорск I (IV), Мезенск (III), Черуха II (II), Н. Тонай II;

3 этап – поздний неолит. Казачка I (V), Высокие Борки (IV), Зеленогорск II (II), Катарная гора (II), В. Тонай II (II), Н. Тонай I (II), Потанчет IV (Ia);

4 этап – переходный от неолита к эпохе бронзы. Казачка I (IV), Потанчет II (VII) и Зеленогорск I (III);

5 этап – ранний бронзовый век. п. Казачка I (III), Зеленогорск I (II), Потанчет I (II, IIc);

6 этап – поздний бронзовый век. Казачка I (II), Потанчет I (IIв.), Зеленогорск II (I), Попиха (II), Мезенск (II), Лежневка (II), Маслеево, Гурьев лог, Улюколь III (II).

Первостепенное значение имеет определение хронологических рамок выделенных этапов.

Начало неолитического этапа совпадает с голоценовым оптимумом, датируемым 8 – 4,5 тыс. л. н. [Кинд, 1967]. Исходя из того, что раннеолитические горизонты вмещены в отложения верхней пачки высокой поймы, относящейся к началу атлантического времени (7,5 – 6,5 тыс. л. н.), ранний неолит на территории Канско-Рыбинской котловины можно датировать 7,3 – 6,9 тыс. л. н. Не противоречит этому заключению и даты, полученные по VII к. г. Казачки I. Дата по C^{14} – 6975 ± 120 (СОАН 8938) л. н. По анализу остаточной намагниченности осадочных пород накопление VII к. г. происходило в интервале 6950 – 7230 л. н. [Бураков и др., 1996]. К раннеолитическому этапу, основываясь на уровне залегания погребения, перекрытого стояночным комплексом раннеолитического возраста, можно отнести погребение №4 с местонахождения Попиха.

VI к. г. местонахождения Казачка I, отнесенный нами к среднему неолиту имеет дату 6660 ± 190 л. н. (ЛЕ – 1231), палеомагнитная датировка почвенного слоя укладывается в интервал 6490 – 6920 л. н. [Бураков и др., 1996].

Позднеолитический культуросодержащий горизонт V местонахождения Казачка I имеет дату 5370 ± 85 л. н. (СОАН 4656). По результатам анализа химической намагниченности осадочных пород, накопление V к. г. происходило в интервале 4850 – 5548 л. н. [Бураков и др., 1996]. К этапу позднего неолита, основываясь на методах абсолютного датирования и геоморфологических наблюдениях, нами отнесены погребения Зеленогорского могильника.

Культуровмещающие горизонты, содержащие материалы переходного этапа (от неолита к бронзовому веку), относятся к началу суббореального периода, что позволяет датировать их временем около 4 тыс. л. н. Уточняют эту границу даты, полученные для IV горизонта Казачки I. Дата C^{14} – 4580 ± 60 л. н. Накопление слоя по остаточной намагниченности определяется интервалом 4030 – 4190 л. н. таким образом, конец неолита – начало эпохи

бронзы укладывается в интервал от 4,5 до 4 тыс. л. н. Отметим, что полученная дата совпадает с концом неолита для Восточной Сибири и Забайкалья [Молчанов, Федосеева, 1974; 1975; Дроздов, 1981; Кирилов, 1981; Зубков, 1982а, б; Горюнова, 1984].

Отложения, вмещающие в себе материалы эпохи бронзы, относятся к суббореальному этапу голоцена (5 – 2,5 тыс. л. н.). В этот промежуток хорошо укладывается дата по остаточной намагниченности III к. г. Казачки I 3500 – 3686 л. н. таким образом, начало эпохи бронзы определяется в диапазоне 4 – 3,5 тыс. л. н., что совпадает с нижней границей существования в Прибайкалье бронзовой глазковской культуры – 4 – 3,4 тыс. л. н. [Горюнова и др., 2012. С. 161, 162].

Время формирования горизонтов позднего бронзового века приходится на конец суббореального периода (3,5 – 2,5 тыс. л. н.), что согласуется с датой по остаточной намагниченности II к. г. Казачки I 2950 – 3320 л. н. Железные изделия и керамика раннего железного века впервые встречены в отложениях субатлантического периода (0 – 2,5 тыс. л. н.). Все это позволяет датировать этап поздней бронзы в границах 3,5 – 2,8 тыс. л. н.

К данному этапу, основываясь на уровне закладки могильных ям и аналогиях в инвентаре, отнесены погребение №1 Попихи и погребение №1 Гурьева Лога.

Глава 5. Комплексы неолита – бронзового века Канско-Рыбинской котловины в контексте древностей Сибири. В главе ставятся вопросы о культурной принадлежности населения, оставившего рассматриваемые в работе археологические комплексы, выделении общего и особого, традиций и инноваций для каждого хронологического этапа. Глава состоит из шести разделов, соответствующих шести выделенным археологическим этапам развития материальной культуры Канско-Рыбинской котловины.

5.1. Ранний неолит. Комплексы раннего неолита формируются на мезолитической основе. Датой бытования раннего неолита следует считать

конец VI – начало V тыс. до н. э., что совпадает по времени с началом эпохи неолита на сопредельных территориях. Носители этих культурных традиций оставили свои поселения на территории Красноярской лесостепи. Аналогичные керамические комплексы и каменная индустрия, зафиксированные в 11 г горизонте пещеры Еленева (6900±115 л. н. (СО АН – 3998); 6630±60 л. н.) [Макаров, 2008. С. 96]. На ранненеолитическом этапе прослеживается тесная культурная связь населения Канско-Рыбинской котловины с Прибайкальем, проявляющаяся в сходстве основных форм орудий: наконечников стрел, вкладышевых костяных наконечников, скребков. Орнаментация сосудов в оступающе-накольчатой технике демонстрирует влияние западносибирских орнаментальных традиций.

5.2. Средний неолит. В середине V тыс. до н. э. на территории Канско-Рыбинской котловины складывается особая культурная общность. Ее каменная индустрия формируется на местной традиции расщепления, максимально адаптированной под сырьевую базу. Отличия от раннего неолита, прежде всего, наблюдаются в принципиально новых традициях изготовления и орнаментации сосудов – оступающе-накольчатой и гребенчато-ямочной. Территория распространения этой культурной общности ограничивается Канско-Рыбинской котловиной и Красноярской лесостепью (11В, 11Б и 11А горизонты пещеры Еленева 6475±190 л. н. (СО АН – 2906), 5150±95 л. н. (СО АН – 2944)) [Макаров Н.П. и др., 2008. С. 96].

5.3. Поздний неолит. Начало периода позднего неолита относится к 1 половине IV тыс. до н. э. На этом этапе население Канско-Рыбинской котловины тесно связано с Прибайкальскими племенами. Материалы Канской, Красноярской лесостепи и Прибайкалья демонстрируют общие тенденции развития, связанные с серовской культурой. Аналогичные Канским наконечники стрел и керамика зафиксированы в 10 слое пещеры Еленева, датирующемся 4655±30 л. н. (СО АН 2905); 4930±55 л. н. (СО АН 3295); 5365±95 л. н. (СО АН 2940), в позднесеровских погребениях и

поселенческих комплексах развитого неолита оз. Байкал: IV слой Саган-Забы – 4850±130 л. н. (СОАН – 6594), IX слой Улан-Хады – 4560±100 л. н. (ЛЕ – 1282), IV слой Итерхея – 4740±155 л. н. (СОАН – 3342) [Горюнова и др., 2007. С. 215; Макаров и др., 2008. С. 97]. Для серовских погребений даты определяют хронологический промежуток 4,6 – 4,3 тыс. л. н. [Горюнова, 1997].

5.4. Переходный этап от неолита к бронзовому веку. Переход от неолита к бронзовому веку относится ко 2 половине III тыс. до н. э. Начавшееся на предыдущих этапах похолодание и иссушение климата привело к сокращению лесной растительности и появлению больших открытых степных участков, что обусловило изменения в составе населения Канско-Рыбинской котловины.

Своеобразные наконечники копий характерны для афанасьевских памятников Енисея [Козырева, 1986; Боковенко, Митяев, 2010. С. 25]. Керамические комплексы также демонстрируют западное происхождение. Орнаментация сосудов совершенно не свойственна неолиту Среднего Енисея и тем более Прибайкалья. Аналогии встречаются в позднем неолите Камского Приуралья, Зауралья и Западной Сибири. Керамика со следами «качающегося» орнамента имеет там широкий диапазон бытования от неолита до бронзового века [Косарев, 1974. С. 44; 1987. С. 263; Семенов, 1983. С. 21 – 30; Кирюшин, 2002. С. 16 – 17]. Орнамент «качающаяся гребенка» попадает на Енисей приблизительно во второй половине III тыс. до н. э. [Поляков, 2010. С. 144 – 153; Степанова, 2010. С. 186].

5.5. Ранний бронзовый век. Этап ранней бронзы датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. На данном этапе металлические изделия, как и следы металлоплавильных комплексов, отсутствуют. Однако, население соседних территорий именно на этом хронологическом отрезке (4 – 3,5 тыс. л. н.) знакомится с технологией выплавки металлических изделий, которые, несомненно, должны были появиться и на рассматриваемой

территории. Основанием к отнесению этого этапа к ранней бронзе послужило распространение керамических комплексов с «жемчужным» орнаментом, характерным для бронзовых культур Прибайкалья [Горюнова, 1984].

Каменный инвентарь характеризует общую тенденцию развития восточносибирских культур ранней бронзы, связанную с деградацией пластинчатой техники, сокращением типов орудий и их универсализацией. В керамическом комплексе наблюдаются 3 линии развития. Первая имеет сходство с поздненеолитической керамикой, как в составе теста и форме сосудов, так и в орнаментации. По-видимому, здесь мы сталкиваемся с продолжением развития традиции изготовления сосудов, прерванной на предыдущем этапе развития. Вторая керамическая группа идентична керамике глазковской культуры Прибайкалья [Горюнова, Савельев, 1990; Горюнова, 1992]. Третья группа керамики имеет прямые аналогии с керамикой ымыяхтахской культуры Якутии [Алексеев, 1996; Дьяконов, 2007, 2008]. Такое ярко выраженное устойчивое сочетание различных керамических традиций не оставляет сомнений в том, что они были оставлены носителями разных культурных традиций и связаны с непосредственным проникновением на территорию Канско-Рыбинской котловины инокультурных групп населения.

Таким образом, на данном этапе интенсивная межплеменная диффузия «родственных» культурных общностей, объединенных общей линией развития, привела к «размыванию» границ между ними, обмену культурной информацией, некоторой культурной нивелировке и, в итоге, их совместному проживанию на лесостепной и таежной территории от Енисея до Забайкалья.

5.6. Поздний бронзовый век. На этапе поздней бронзы на территории Канско-Рыбинской котловины формируется своеобразная культурная общность, названная рядом авторов «красноярской культурой» [Мергарт, 1923. С. 32 – 35; Карцов, 1929. С. 21 – 22]. Культура эта тесно связана с

продолжением развития местных неолитических традиций, носители которых к этому времени освоили выплавку медных изделий.

В заключении подведены основные итоги исследования и сформулированы обобщающие выводы.

Предложен новый вариант периодизации археологического «освоения» Канско-Рыбинской котловины включающий 2 этапа. Первый этап (1910 – 1970 гг.) – этап первоначального археологического освоения территории Канско-Рыбинской котловины и накопления материалов. Второй, современный, начинается с 1970 г. и характеризуется целенаправленными, систематическими, комплексными исследованиями рассматриваемой территории экспедициями Иркутского государственного университета.

Установлено, что поселения неолита и бронзового века располагаются по берегам рек, преимущественно в устьях небольших их притоков, занимая выположенные террасовидные площадки.

Уточнены существующие представления о хозяйственном укладе древнего населения Канско-Рыбинской котловины в период неолита – бронзы на основании археологических и палеоэкологических данных. Определено, что на всем протяжении неолита – бронзы образ жизни населения оставался неизменным. Ведущая роль в хозяйстве принадлежала охотничьему промыслу. Основными объектами охоты на протяжении всего времени оставались косуля, лось и олень. Стратегия добычи этих животных, их сезонная миграция из одной природно-климатической зоны в другую и одиночный образ жизни обуславливали высокую мобильность населения.

В результате анализа археологических артефактов и их стратиграфических позиций залегания, а также условий осадконакопления удалось объединить культуросодержащие горизонты неолита – бронзового века Канско-Рыбинской котловины в 6 хронологических этапов, что подтверждено данными абсолютного датирования.

В результате настоящего исследования хронологическая схема неолита – бронзового века Канско-Рыбинской котловины приобрела следующий вид:

- 1) Ранний неолит – конец VI – начало V тыс. до н. э.;
- 2) Средний неолит – 2 половина V тыс. до н. э.;
- 3) Поздний неолит – 1 половина IV – середина III тыс. до н. э.;
- 4) Переходный этап – 2 половина III тыс. до н. э.;
- 5) Ранний бронзовый век – 1 половина II тыс. до н. э.;
- 6) Поздний бронзовый век – середина II тыс. – VIII вв. до н. э.

На основе анализа археологических коллекций установлены связи древнего населения Канско-Рыбинской котловины с племенами Красноярской лесостепи, Западной Сибири, Минусинской котловины, Прибайкалья и Якутии. На протяжении неолита – бронзы характер и интенсивность этих связей были различными, что нашло отражение в специфичности каменного, костяного и керамического инвентаря каждого из выделенных этапов.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертационного исследования изложены в 6 научных публикациях: отдельных и коллективных общим объемом 2,3 п. л. (в том числе автора – 2,1 п. л.).

Публикации в периодических изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Тимощенко, А. А., Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) / А. А. Тимощенко, Н. А. Савельев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 19 – 27. (всего 1 п.л., в том числе автора 0,8 п. л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

1. Тимощенко, А. А. Археологические исследования Канско-Рыбинской котловины Иркутским государственным университетом / А. А. Тимощенко // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: Мат-лы XLVIII Региональной (IV Всерос. с междунар. участием) археолого-этнографической студенческой конф. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2008. – С. 38 – 39. (авт. – 0,2 п. л.)

2. Тимощенко, А. А. Неолитические горизонты многослойного местонахождения Казачка I / А. А. Тимощенко // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Мат-лы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конф. – Кемерово: Изд-во «Кузбассвуиздат», 2009. – С.73 – 74. (авт. – 0,2 п. л.)

3. Тимощенко, А. А. Археологическое местонахождение Попиха на р. Кан / А. А. Тимощенко // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Мат-лы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых и ученых. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 171 – 174. (авт. – 0,2 п. л.)

4. Тимощенко, А. А. Планиграфический анализ неолитических горизонтов местонахождения Казачка I / А. А. Тимощенко // Историко-культурное наследие Азии: изучение, сохранение, интерпретация. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – С. 120 – 131. (авт. – 0,5 п. л.)

5. Тимощенко, А. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (к постановке проблемы) / А. А. Тимощенко // Археология, этнография, палеоэкология северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: Мат-лы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Красноярск, 2011. – С. 135 – 137. (авт. – 0,2 п. л.)